

Саша Чёрный

В лунную ночь

*Часть сборника
Дневник фокса Микки.
Стихотворения (сборник)*

Саша Чёрный

В лунную ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4985190

*Дневник фокса Микки. Стихотворения / Саша Чёрный: Эксмо; Москва;
2006*

ISBN 5-699-19408-8

Аннотация

«По вечерам учительница любила уходить одна к морю. Детей в русской усадьбе укладывали спать рано. Младший мальчик, морщась, пил свое молоко и каждый раз упрашивал учительницу:

- Пожалуйста, Лидия Павловна, один глоточек.
- Пей сам.
- За мое здоровье!..»

Саша Чёрный

В лунную ночь

По вечерам учительница любила уходить одна к морю. Детей в русской усадьбе укладывали спать рано. Младший мальчик, морщась, пил свое молоко и каждый раз упрашивал учительницу:

- Пожалуйста, Лидия Павловна, один глоточек.
- Пей сам.
- За мое здоровье!..

Так он, хитрец, по крайней мере глотков шесть спаивал ей: за свое здоровье, за здоровье старшего брата Миши, за здоровье бабушки в Лондоне и составителя хрестоматии – Острогорского... За здоровье больной индюшки, которая с утра до вечера чихала под балконом в своей конурке. И нельзя было обидеть ни бабушку, ни индюшку, ни Острогорского.

Старший, Миша, пил молоко без фокусов. Длинный и желтоволосый, вытягивался он, как репка, в постели, перебирал тихо на одеяле английские детские журналы со смешными пингвинами и зайцами и тихо спрашивал:

- Опять к морю?
- Да, дружок.
- Мыслить?

Лидия Павловна, улыбаясь, кивала головой.

– Каждый вечер?

Он удивленно пожимал плечами. А впрочем, разве у него нет своих секретов, разве не «мыслит» он сам, вытянувшись в постели и притворно закрыв глаза, чтобы взрослые не приставали: «Не спишь, Миша? Спи! Надо спать»...

Лидия Павловна вставала, пожимала мизинцем левой руки левый мизинец Миши – так они всегда прощались – и уходила к морю.

* * *

В эту пустынную ночь полная, налитая сиянием луна, словно ночное ртутное солнце, заливала тихий залив. В Париже даже не знаешь – луна ли сегодня в небе, либо световая реклама – крем для ботинок «Диана» – маячит вдали над улицей. Кто там в Париже поднимает голову к небу? Коты на крышах, пять-шесть чудаков-астрономов да пьяный прохожий на окраине, беспомощно обнимающий уличный фонарь... Остальным ни до луны, ни до неба. И запрятаны они – облака, Млечный Путь, звезды и месяц – где-то там над домами так искусно, что только по календарю знаешь, полнолуние ли сегодня вверху либо глухая, синяя тьма...

Но здесь, у залива... Лидия Павловна сидела на пальмовой, выброшенной морем колоде, поглаживала рукой шершавую, забитую солью кору и смотрела. Отдыхала глубоко, до самого дна души, как много лет уже не отдыхала. Она

долго вспоминала, перебирая в памяти год за годом, потерю за потерей, – когда она была в последний раз так бездумно и просто счастлива? Пожалуй, перед самой войной, на одной из дальних линий Васильевского острова, у прохладного ночного окна, когда вот так же разливался над сонными крышами лунный разлив, а в голове кувыркалась и высывала язык смешная, школьная радость: «К черту, к черту, к черту! Последний государственный экзамен сдан!..»

Кто знает, быть может, счастье и есть глубокий отдых, больше ничего. Выпрямленные плечи, свободно задумавшиеся, бог весть о чем, глаза, лунное трепетание на руках.

И еще радовало Лидию Павловну, радовало и смущало, что здесь впервые с нее слетела этикетка – «эмигрантка». В городе опять сама собой приклеится. Пусть. Но здесь... Чье небо? Чья луна? Чей ветер? Чьи волны, шипящие у ног? Французские или русские? Ничьи – значит, и ее. И в этот час, когда в глубине долины, у подножий холмов, вдоль всего побережья каменным сном спали в каменных сараях под широкими пальмами и смоковницами местные фермеры, старухи, мулы и куры, – не одна ли она бодрствовала, не ей ли одной сияла лунная дорога... Чья лунная дорога – русская, французская? Ничья.

Учительница встала и обернулась. За спиной вздыхала и приветливо, словно для рукопожатия, протягивала лапу усадебная шершавая дворняга. Собака улыбалась, ей-богу, улыбалась седой посторонней русской женщине широкой песьей

улыбкой и совершенно явно своей несложной мимикой старалась объяснить:

«Я полежу возле вас. Можно? Вы мне симпатичны. Здесь у воды прохладно, а в усадьбе слишком много блох. И у вас такие душистые, теплые руки... Можно?»

Лидия Павловна дружески потрепала шелковое отвислое ухо и улыбнулась.

Вот, стало быть, не одной ей не спится в эту ночь. Еще один лунный мечтатель объявился – с хвостом.

Наклонившись к черневшему у ног обгоревшему устью старого костра, русская учительница сгребла палкой в кучу хворост, полужасыпанные песком сосновые сучья, кору и шишки, кусок просмоленного лодочного киля... Длинными сосновыми иглами пересыпала колючий бугор и достала из сумочки спички.

Собака встала, отряхнула с шубы песок и внимательно повернула голову. Сейчас вспыхнет желтоватая метелка – огонь. Заклубится сизая дымная борода. Полетят, стреляя и фыркая, искры. Приезжая женщина сядет у костра и обхватит колени руками... Можно будет, прислонившись к ней головой, смотреть на огонь, сладко зевать и нюхать смолистое, переливающееся тепло.

* * *

Не одну собаку притянул костер и уютный оранжевый

круг вокруг трещавшего огня. От темных камней у воды, где полукругом белели в лунной известке лодочные сараи, отделилась долговязая фигура, длинноногая астролябия в берете.

Собака не тронулась с места. Знает: это гость-француз, приезжий садовник. Живет на соседней ферме. К собакам равнодушен, как, впрочем, и собаки к нему. Длинный, словно складная лестница, которую осенью под персиковые деревья подставляют. Все носится у самого края воды от мыса до виллы на горе. Где ни увидит человека на песке, плюхнет рядом и начинает, тыча рукой в воздух, лопотать, как рубашка на ветру... За пазухой всегда опавшие фиги, которые он по всем дорогам подбирает. Вынет, понюхает и ест. И в волосах колючки, потому что спит на прессованном сене в сарае.

Собака не ошиблась. Двадцатилетний жираф-садовник опустил против учительницы на песок, дружески кивнул ей и стал вилообразными руками подгрести в огонь хворост.

Желтая метелка, треща и дымя, рванулась кверху. И еще светлее и прозрачнее стал лунный полукруг воды и пляжа, чернее и строже стена прибрежных гигантских сосен. Собака недовольно отодвинулась: и так жарко, зачем же еще подбрасывать?

А привлеченный огнем чудак вытянулся на песке, почти сунув пасть в самый костер, и, продолжая позавчерашний

разговор, замахал перед носом своей словно вывихнутой лапой.

– Видите, окно над сараем освещено... Этот старый морж Фалиас сидит под своей крышей и перелистывает календарь 1920 года, который я ему когда-то подарил. Накожные болезни у канареек и колыбели коронованных особ с картинками. Он дома. Выбросит за окно удочку, наловит для буйабеса десятков морских ершей – и сыт. Сосна перед дверью старше его. И над дверью из морских ракушек выложено: **Фалиас**. Вы понимаете? А окна вон той виллы – темны. Я вам говорил, мадам. Это наша бывшая вилла. Я в ней родился. Понимаете? Родился, рос, играл с братьями. Сосны, море и закат были нашими игрушками. Мы ловили под камнями сколопендр и сажали их в помадные баночки. В садике над морем сложен моими руками грот: брат был Пятницей, я – Робинзоном... Мы шлепали по воде с утра до заката, ловили и высасывали морских ежей, плавали вон до того далекого камня... Здесь моя родина. Вы понимаете, что такое родина, мадам? И вот три года тому назад – я вам рассказывал уже – отец за долги продал наш дом. Продал старому лавочнику в Борме, которому эта вилла так же нужна, как этой собаке цилиндр.

Дворняга у костра недовольно заворчала и отодвинулась.

– На осенние месяцы нашу виллу сдают какому-то голландскому художнику. Я ненавижу его, мадам, я видел его... Красный и глупый. Рисует море, а выходит лимонад. Спит на

постели, на которой я родился, а в моем гроте у него склад пустых пивных бутылок... Я приезжаю сюда каждое лето, когда дом еще пуст, – на две недели. Проверяю – цело ли наше гнездо. Днем брожу внизу у камней и смотрю на наши слепые окна. По вечерам перелезаю через забор и сижу в нашем садике на скамье, которую смастерил мой отец. Столб с солнечными часами покривился. Я его выровнял. Мимозу, надломленную ветром, перевязал... И вот – видите, как я одет? Как огородное чучело. Я не пью даже сидра, не курю. Каждая папироса – лишний гвоздь в нашем заборе. Служу в садоводстве под Парижем, я вам рассказывал. Работаю как мул... И каждое су откладываю. Год – два – четыре. Наш дом вернется к **нам!** Как вы думаете? Ведь лавочник продаст его мне опять? Зачем он ему? Я знаю, цены на землю растут... Вы думаете, что мне не угнаться? Но ведь лавочник очень приличный человек и не будет меня душить. Борм – глухой городишко, там еще не все люди стали собаками... Как вы думаете, мадам?

Собака, внимательно слушавшая молодого садовника, иронически вскинула ухо.

Лидия Павловна смотрела на огонь и, слушая странные излияния лежавшего у костра человека, сочувственно покачивала головой. Утешала его: конечно, лавочник охотно продаст виллу сыну бывшего владельца. Пожалуй, и согласится, чтобы платили по частям... Жизнь вся впереди, родина – цветущий сад, большая родина – Франция, и маленькая –

Прованс...

Утешала и ухмылялась своим русским затаенным мыслям, которые давно уже привыкла от всех прятать.

Юноша-жираф умолк. Сел на корточки. Перебрасывал в руках ярко тлеющие угольки... Потом встал, забросал песком догоравший костер, кивнул головой и, широко шагая, растворился вдали в лунном молоке.

Лидия Павловна сквозь колючий вереск и заросли можжевельника пошла к усадьбе. За ней шаг в шаг, преданно следуя по пятам, собака.

Сверкнули в соснах извилистые колеи ведущей к дому дороги... Чудак этот ей жаловался. Ей! Перелетной бездомной птице, залетевшей в его землю с русского пожара... Что ж. Как могла, она его утешила.

Она бодро встряхнулась. Не надо, не надо. Луна, море, тишина. И глубокий, до самого дна души, отдых. Больше ничего.

На асфальтовой террасе у дома голубели широкие лунные холсты. Из крана звонко шлепала вода. Жирная жаба, ловившая под краном холодные капли, испуганно карабкаясь вдоль стены, изо всех сил заспешила к углу дома во тьму лохматой герани. Она испугалась Лидии Павловны. Совсем напрасно испугалась, потому что учительница, наполнив блюдо водой, сама его отнесла к углу дома, чтобы безобразная ночная тварь напилась и успокоилась.

Бесшумно скользя с блюдцем под окном детской комнаты,

Лидия Павловна услышала, как старший ученик тихо-тихо окликнул ее по имени.

– Ты что же это, Миша, до сих пор не спишь?

– Не сплю. Что вы делаете?

– Жабе пить несую.

– Хорошо у моря?

– Чудесно.

– Жираф опять жаловался?

– Жаловался. Говори тише, а то брата разбудишь.

– Разбудишь, как же! Его хоть зубной щеткой под мышками щекочи...

Из окна вдруг высунулась худая детская лапка и лукаво-ласково дернула учительницу за плечо.

– Ай!

– Испугались?

Но собака толкнула сзади Лидию Павловну мордой под коленку. Будет! Что же это такое? Ведь спать пора. Ведь она, собака, должна учительницу до верхнего белого дома проводить.

И голоса смолкли. Никого не было на веранде. Если не считать звеневших над глицинией комаров да двух жаб, вылезших из-под герани к блюдцу с водой.